

- ⁹ Бобринская Е. Указ. соч. С. 65.
- ¹⁰ Тастевен Г. Футуризм (На пути к новому символизму). М., 1914. С. 20.
- ¹¹ Бердяев Н. Кризис искусства // Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. С. 414.
- ¹² Бердяев Н. Футуризм на войне // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. 26 окт. С. 4. Цит. по: Крусанов А. Русский авангард : 1907–1932 (Исторический обзор) : в 3 т. М., 2010. Т. 1 : в 2 кн. С. 486.
- ¹³ Бердяев Н. Кризис искусства. С. 414.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Бердяев Н. Футуризм на войне. С. 486.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Б.п. Война и футуризм // Петроградский телефон – Сегодня. 1914. 18 сентября. С. 2. Цит. по: Крусанов А. Указ. соч. С. 485.
- ¹⁹ Бердяев Н. Кризис искусства. С. 415.
- ²⁰ Б.п. Поэзовечер Игоря Северянина // День. 1914. 13 дек. С. 4. Цит. по: Крусанов А. Указ. соч. С. 607.
- ²¹ Северянин И. Германия, не забывайся! // Северянин И. Victoria Regia. Четвертая книга поэм. М., 1915. С. 93.
- ²² Северянин И. Мой ответ // Там же. С. 107.
- ²³ Северянин И. Еще не значит... // Там же. С. 105.
- ²⁴ Северянин И. Я жив, и жить хочу, и буду // Там же. С. 135.
- ²⁵ Маяковский В. Поэзовечер Игоря Северянина // Маяковский В. Собр. соч. : в 13 т. Т. 1. М., 1955. С. 338.
- ²⁶ С. Ф. Леонид Андреев о футуристах // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 5 мая. С. 5. Цит. по: Крусанов А. Указ. соч. С. 592.
- ²⁷ *Visk*. Футуризм и война // Новости дня. 1914. 13 окт. С. 2. Цит. по: Крусанов А. Указ. соч. С. 516.
- ²⁸ Маяковский В. Штатская шрапнель // Маяковский В. Собр. соч. : в 13 т. Т. 1. С. 304.
- ²⁹ Маяковский В. Штатская шрапнель. Поэты на фугасах // Там же. С. 305.
- ³⁰ Маяковский В. Не бабочки, а Александр Македонский // Там же. С. 317.
- ³¹ Маяковский В. Штатская шрапнель. С. 304.
- ³² Маяковский В. Штатская шрапнель. Поэты на фугасах. С. 306.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Маяковский В. Капля дегтя // Маяковский В. Собр. соч. : в 13 т. Т. 1. С. 350.
- ³⁵ Маяковский В. Штатская шрапнель. Поэты на фугасах. С. 307.
- ³⁶ Маяковский В. Штатская шрапнель. Вравшим кистью // Маяковский В. Собр. соч. : в 13 т. Т. 1. С. 309.
- ³⁷ Маяковский В. Теперь Америкам! // Там же. С. 312.
- ³⁸ Маяковский В. Война и мир // Там же. С. 229–230.
- ³⁹ Маяковский В. Будетляне // Там же. С. 331.
- ⁴⁰ Маяковский В. Война и мир. С. 229.
- ⁴¹ Там же. С. 225.
- ⁴² Там же. С. 228.
- ⁴³ Маяковский В. Вам! // Маяковский В. Собр. соч. : в 13 т. Т. 1. С. 75.
- ⁴⁴ Маяковский В. Мама и убитый немцами вечер // Там же. С. 66–67.
- ⁴⁵ Маяковский В. Штатская шрапнель. Вравшим кистью. С. 309.
- ⁴⁶ Маяковский В. Война объявлена // Маяковский В. Собр. соч. : в 13 т. Т. 1. С. 64.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Маяковский В. Мама и убитый немцами вечер. С. 66.
- ⁴⁹ Маяковский В. Теперь Америкам! С. 312.
- ⁵⁰ Маяковский В. Война и язык // Маяковский В. Собр. соч. : в 13 т. Т. 1. С. 326.
- ⁵¹ Там же. С. 328.
- ⁵² Там же. С. 327.
- ⁵³ Там же. С. 328.
- ⁵⁴ Маяковский В. Война объявлена. С. 64.
- ⁵⁵ Маяковский В. Приказ по армии искусства // Маяковский В. Собр. соч. : в 13 т. Т. 2. М., 1956. С. 14.
- ⁵⁶ Блок А. «Без божества, без вдохновенья» (Цех акмеистов) // Блок А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 6. М. ; Л., 1962. С. 181.

УДК 821.161.1.09-1+929[Гумилев+Иванов]

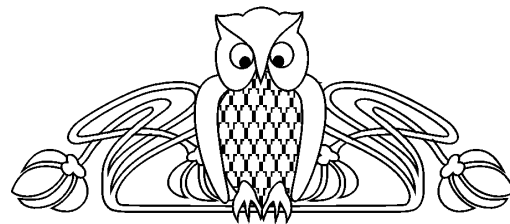
ПОЭЗИЯ ФРОНТОВАЯ И ПОЭЗИЯ ТЫЛОВАЯ: Н. ГУМИЛЕВ И Г. ИВАНОВ

И. А. Тарасова

Саратовский государственный университет
E-mail: tarasovaia@mail.ru

В статье предлагаются формальные критерии отличия военной лирики Н. Гумилева от публицистической поэзии Г. Иванова (сб. «Памятник Славы»): коммуникативная структура стихотворения; образ лирического героя – образ ратора; предпочитаемые тропы; система метафорических моделей и оригинальность их наполнения; риторические фигуры; степень клишированности речи и др.

Ключевые слова: лирика, публицистика, образ ратора, Первая мировая война.

Poetry of the Battle Field and of the Rear Area: N. Gumilev and G. Ivanov

I. A. Tarasova

The article offers formal criteria of differentiating the military poetry of N. Gumilev from the opinion journalism poetry of G. Ivanov (collection «Fame Memorial»): communicative structure of the poem; the image of the speaker – the image of the rhetorician; tropes preferred; the system of metaphoric models and the ingenuity of their content; figures of speech; the degree of speech being clichéd, etc.

Key words: poetry, opinion journalism, rhetorician image, the First World War.

Уже в журналистике 1914–1915 гг. были отмечены различия в подходе к описанию военных событий между теми, кто «отправились в ряды храбрцев», и «кабинетными» литераторами¹. Эти различия устанавливаются, например, в серии публикаций Е. Колтоновской, высоко оценивающей военные очерки и корреспонденции за их «внимание к будничным деталям виденного и пережитого», убедительную передачу стихии войны через «повседневные мелочи боевой жизни»². Этой документальной «хорошей литературе» противопоставляется абстрактный публицистический пафос авторов, горящих желанием «откликнуться на все происходящее хоть чувствами своими – словесно»³. Появление такого рода литературы критик объясняет «психологией <...> подъема и национального воодушевления»⁴.

Более язвительный в суждениях и оценках Ал. Ожигов едко пишет о «военно-словесном потоке», включающем в том числе и «стихоплетную макулатуру»⁵, видя в нем проявление «тылового воображения» и «временного помрачения»: «Художественность сюда и не заглядывала, а “перевоплощение” свелось к сочинительству»⁶. Характерно упоминание в этой филиппике имени редактора журнала «Лукоморье»: «Эта военная беллетристика у нас насаждается усердием М. Суворина»⁷.

В мае 1915 г. появился сборник Георгия Иванова «Памятник Славы», изданный журналом «Лукоморье», в котором поэт активно сотрудничал и в котором впервые были опубликованы многие стихотворения, составившие книгу. Известный парадокс заключается в том, что «патриотические упражнения» С. Городецкого и Ф. Сологуба были заклеены Г. Ивановым-критиком в журнале «Аполлон» за два месяца до выхода «Памятника Славы» (№ 3 за 1915 г.). Оценивая сборник Ф. Сологуба «Война» (Пг.: Издание журнала «Отечество», 1915), критик иронизирует: «Разумеется, эти вялые, пресные и не то чтобы хорошего вкуса стихи Сологуб мог написать под влиянием патриотических или других каких-нибудь сторонних соображений. Но включать их в книгу не следовало бы, хотя бы в целях охраны вкусов среднего читателя»⁸. Издавая свой сборник, о вкусах «среднего читателя» Г. Иванов почему-то не позаботился.

Военные стихотворения Н. Гумилева и Г. Иванова могут рассматриваться как проявление двух отмеченных линий: поэзии «виденного и пережитого» и поэзии агитационно-публицистической. В работе Ю. Зобнина «Стихи Гумилева, посвященные мировой войне 1914–1918 годов (военный цикл)» делается попытка отграничить стихотворения Н. Гумилева от современных ему образцов агитационной поэзии (имя Г. Иванова в числе ее представителей не называется) по содержательным признакам. Последней, по мнению Ю. Зобнина, присущи заданность, иллюстратив-

ность, четкая связь с конкретными событиями, максимальная конкретность, отсутствие подтекста⁹.

Доказывая «неагитационность» поэзии Н. Гумилева, исследователь прибегает к сравнению мотивной структуры «военного цикла» поэта и «идеологических шаблонов», содержащихся в Высочайших манифестах об объявлении состояния войны 1914 г. Однако трудно признать такой ход убедительным: действительно, в стихотворениях Н. Гумилева (в отличие от того же Г. Иванова) мы не найдем мотивов вероломства Германии или союзнического долга, однако христианская фразеология представлена у обоих авторов, равно как и в манифестах.

На наш взгляд, публицистичность (агитационность) определяется не содержательной, а формальной стороной текста, а также его функциональной направленностью. Задача лирического стихотворения – выразить внутренний мир автора, передать его картину мира. Задача публицистического текста – откликнуться на внешние события, передать идею. Художественный и публицистический текст различаются по функции (воздействующей/агитационной vs эстетической), стилевой доминанте (социальная оценочность vs образная конкретизация), соотношению экспрессии и стандарта. Мы предлагаем формальные критерии отличия военной лирики Н. Гумилева от публицистической поэзии Г. Иванова (сб. «Памятник Славы»): коммуникативная структура стихотворения; образ лирического героя – образ ратора; предпочитаемые тропы; система метафорических моделей и оригинальность их наполнения; убедительность образов; риторические фигуры; степень клишированности речи; соотношение конкретности/абстрактности.

«Военный цикл» Н. Гумилева никогда не издавался отдельной книгой. По версии Ю. Зобнина, он включает в себя 15 стихотворений, из которых 6 – «Война», «Наступление», «Смерть», «Пятистопные ямбы», «Солнце духа», «Ода Д’Аннунцио» – вошли в «Колчан», 3 – «Детство», «Рабочий», «На Северном море» – в «Костер», 6 – «Новорожденному», «Священные плывут и тают ночи...», «Сестре милосердия», «Ответ сестры милосердия», «Второй год», «Франции» – публиковались в периодической печати.

«Памятник Славы» Г. Иванова состоит из четырех разделов («Нерушимая стена», «Знамена друзей», «Столица на Неве», «Зимние праздники»), вступительного и заключительного стихотворений («Родине»). Общее количество стихотворений в сборнике – 30¹⁰. Собственно «военных» стихов в нем 19, остальные связаны с темой мировой («второй Отечественной») войны ассоциативно-идеологически. Количество военных стихов может быть расширено за счет стихотворений, выделенных А. Арьевым в отдельный раздел «Стихотворения из журнала

«Лукоморье»¹¹: «Снова влечет тебя светлое знамя...», «На начинающего Бог...», «Годовщина войны», «Болгарам» и др. Однако типологические признаки публицистической поэзии в них те же, поэтому расширение материала не приведет к существенному изменению выводов.

Стихотворения Н. Гумилева и Г. Иванова различаются по своей коммуникативной структуре (по Ю. Левину), т. е. соотношению «лирический субъект – внутренний адресат»¹².

Из 13 стихотворений Н. Гумилева в 8 субъектом повествования является лирическое Я, в 4 – консолидирующее МЫ (*О да, мы из расы/ Завоевателей древних...*¹³), причем в двух текстах МЫ в процессе развертывания лирической темы сменяется на Я:

Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.
Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Потому что Господне слово
Лучше хлеба питает нас <...>

Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть...¹⁴

Всего в двух стихотворениях речевой субъект не обозначен, но они являются автокоммуникативными (за счет введения формы второго лица, подразумевающей Я: *Лишь под пулями в рвах спокойных / Вершишь в знамя Господне, твердь*¹⁵). Таким образом, подавляющее большинство стихотворений Н. Гумилева эготивны. Эксплицитный адресат появляется в пяти стихотворениях. Это – внутритекстовые персонажи («Пятистопные ямбы», «На Северном море») либо условные коммуниканты (Господь, земля, Франция).

Стихотворения Г. Иванова, напротив, апеллятивны: из 30, включенных в «Памятник Славы», внутренний адресат обозначен в 24, и почти во всех случаях он условен (кресты, полк, павшие гвардейцы, враги, Германия, Бельгия, славяне, Наполеон, Россия и т. д.). Риторические обращения естественным образом связаны с персонификацией как предпочитаемым тропом. Субъект повествования эксплицитно выражен в 19 стихотворениях, причем в 8 – это Я-ролевого (кружевница, подруга бельгийского солдата, француз, серб, угро-русс и т. п.). В оставшихся 11 случаях с эксплицитным Я или МЫ корректнее говорить не об образе автора (лирического героя), а об образе риторика. Многие характеристики стиля Г. Иванова периода «Памятника Славы», в том числе формальные, объясняются этой риторической категорией.

Признаки образа риторика в сопоставлении с образом автора представлены в работе А. П. Романенко¹⁶. Если образу автора присущи стилевая индивидуализация, индивидуальное, личное отношение к предмету речи, то образу риторика –

стилевая стандартизация: ритор либо стремится выработать «коллективное» отношение к предмету речи, либо присоединяется к нему. Образ автора (лирического героя) строится по законам индивидуального стиля, образ риторика – по законам функционального (публицистического) стиля.

Образ автора (лирический герой) так же ценен для читателя, как и предметно-идейное содержание текста: они эстетически равноценны. Образ риторика – лишь средство для восприятия читателем идейного содержания текста, сам по себе, вне этого содержания, он не имеет ценности. Образ лирического героя, хотя и создается намеренно, может включать отдельные черты биографического автора (ср., например, в стихотворении Н. Гумилева «Священные плывут и тают ночи...» следующие строки: *А ночью в небе, древнем и высоком, / Я вижу записи судеб моих / И ведаю, что обо мне, далеком, / Звонит Ахматовой сиренный стих*¹⁷).

Образ риторика задан риторической традицией, и ему нужно следовать. Издевательские комментарии в прессе по поводу строчки Г. Иванова, уклонившегося от воинской повинности: *О, в день такой под вражьи пули / Наверное, блаженство встать!*¹⁸ – объясняются требованиями, предъявляемыми к образу лирического героя, а не к образу риторика: никаких других чувств, кроме как блаженства под пулями, ритор, разумеется, испытывать не может.

Лирический текст строится по законам эстетики, исключающей прямую, «лобовую» дидактику; публицистический текст развертывается по законам риторики; содержание текста дидактично и императивно по отношению к аудитории, что достигается репертуаром средств убеждения. К числу таких средств и относятся апеллятивы, с помощью которых осуществляется обращение и косвенное вовлечение читателя в коммуникацию.

В. Костомаров назвал конструктивным признаком публицистического текста чередование экспрессии и стандарта¹⁹. Серединное положение между единицами этих двух типов занимают штампы – экспрессемы, ставшие шаблонными выражениями, сохранившими тусклый след былого воздействия. Очевидно, что стандарт и штамп противоречат сущности лирики, предназначенной для выражения индивидуального. Из военных стихотворений Г. Иванова публицистические штампы можно выписывать десятками: *За честь и правду гибнут люди, / Полмира в дыме и огне*²⁰; *...мы достойными должны / Быть славы, что они стяжали*²¹; *И слышен гром побед...*²²; *... грянул гром губительной войны / И пред лицом ее – бельгийцы стали / Все, как один, – за честь родной страны*²³; *До смерти будут эти люди / Свою отчизну защищать*²⁴ и т. д.

Согласно гипотезе Б. Гаспарова, процесс продуцирования текстов бытового и публичного общения в значительной мере состоит из сборки высказываний из готовых синтагматических бло-

ков – коммуникативных фрагментов²⁵. Креативная художественная деятельность требует выхода из режима повседневного языкового существования – и для этого нужно приложить определенное усилие. К сожалению, автор «Памятника Славы» не только не совершает этого усилия – он небрежен даже в «отделке <...> межфрагментных швов»²⁶, что влечет за собой возникновение неуклюжих синтаксических конструкций, неорганичных сращений, нарушающих языковую валентность: *Я вижу ясно тот жестокий бой, / Треск пулеметов и снарядов вой*²⁷; *Гробницы тишина сырая / Героям прошлого – тесна*²⁸; *Как же сердцу тут не сжаться / Гордой мыслью о другом!*²⁹. О проигрыше автора в борьбе с языковым материалом свидетельствуют многочисленные инверсии и немотивированные анжамбеманы: *Как странно! Сердце не болит. / Оно спокойно биться может! / Заупокойных панихид / Его рыдания не тревожат*³⁰; *Уже темнеет высь / От грозного возмездья приближенья*³¹; *И слышен гром побед: то начались / Возмездие забывших пораженья*³².

Одним из признаков индивидуального стиля является системность словоупотребления. В «военном цикле» Н. Гумилева реалии войны настойчиво уподобляются природным объектам:

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед³³.

Пули – певучи, клинки взлетают *птиц быстреи*³⁴, железо, сталь и свинец перифразируются как *ненасытные пьяницы*³⁵, трубы рычат, и сама война обладает *томительно звонким*³⁶ голосом (ассоциативно связанным с апокалиптическим трубным звуком). Естественный характер войны подчеркивает ее метафорическая концептуализация как жатвы и игры.

Тропы Н. Гумилева носят, как правило, конкретизирующий характер. Самым частотным из них является сравнение. Оно создает убедительный индивидуально-авторский образ. Наиболее абстрактная по образности из всех стихов военного цикла «Ода д'Аннунцио», с ее уподоблением конкретного отвлеченному, на наш взгляд, является довольно слабым стихотворением.

Оригинальными метафорами и сравнениями отличаются и гумилевские «Записки кавалериста»: *Ветер в сучьях шумел совсем как человеческий разговор, и к тому же на немецком языке*³⁷; *Неприятельский аэроплан, как ястреб над спрятавшейся в траве перепелкой, стоял над нашим разбегом и стал медленно спускаться к югу*³⁸; *Я видел, как Большая Медведица, опустив морду, приняла к чьему-то следу*³⁹. Это, действительно, «виденное и пережитое».

Образные средства Г. Иванова традиционны, довольно абстрактны, тяготеют к метонимичности и аллегоричности: *Но светом вечной залиты зари / Священные развалины Лувена!*⁴⁰; *Покой и труд в отчизне процветали, / Но грянул гром*

*губительной войны!*⁴¹; *Да будет! прекрасен и пышен / Все шире величья рассвет. / С полей окровавленных слышен / Торжественный голос побед!*⁴²

В «Памятнике Славы» один и тот же метафоризатор применяется к разным объектам: *Быстрее лавы / Текут блистательные дни*⁴³; *Всех, позабывших жизнь свою, / И слившихся в святую лаву...*⁴⁴; *Подобно шквалу или лаве, / На Русь низринется орда*⁴⁵; *И наглцов остановилась лавы, / Урок непоправимый получа!*⁴⁶ Метафоризаторы могут перекрестно меняться в пределах одного стихотворения: *Сеет дождь. В окопах тесно, / Докучает пушек вой. / Ветер сказ ведет унылый / О родимой стороне – Оглашают дол безлесный / Пушек гром и ветра вой*⁴⁷.

Употребленные ради высокой окраски стиля библейские образы оставляют ощущение искусственности и надуманности: *Вопрос решится роковой, – // Сраженный в сердце, рухнет Каин / И Авель меч отбросит свой!*⁴⁸ По замечанию рецензента А. Тинякова, «Авель, убивающий Каина, – это что-то не библейское, и вряд ли “замысловатость” этого образа прикрывает собой мысль разумную»⁴⁹.

В военных стихах Н. Гумилева, безусловно, отражен его духовный опыт. Метаописательный фрагмент «Записок кавалериста» содержит картину рождения художественного образа: «...чувство странного торжества переполняло мое сознание. Вот мы, такие голодные, измученные, замерзающие, только что выйдя из боя, едем навстречу новому бою, потому что нас принуждает к этому дух, который так же реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его. И в такт лошадиной рыси в моем уме плясали ритмические строки:

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

Мне чудилось, что я чувствую душной аромат этой розы, вижу красные языки огня»⁵⁰.

«Памятник Славы» – это всего лишь опыт версификации, причем далеко не самый удачный.

Такое во всех отношениях невыгодное для Г. Иванова сравнение нуждается, очевидно, в некотором объяснении. Причин появления подобных стихотворений, которые как-то неудобно называть поэзией, может быть несколько: недостаток поэтического мастерства, который в условиях ограниченных временных ресурсов не позволяет создавать «словесный поток» приемлемого уровня; «сторонние соображения», используя эвфемизм самого Г. Иванова. И, наконец, самое гуманное по отношению к автору «Памятника Славы» объяснение: почему бы не рассматривать патриотические стихотворения Г. Иванова как одну из разновидностей литературной игры, так свойственной молодому поэту?

О множестве масок Иванова-ироника нам уже приходилось писать⁵¹.

В структуру сборника включено несколько ролевых стихотворений, в которых лирический субъект принимает образ то инока («Рождество в скиту»), то крестьянской девушки («Суженый»), то французского солдата («Песни союзных солдат»). Почему бы ему не побыть патриотом?

Если же рассматривать публицистическую стратегию Г. Иванова на фоне «временного по-мрачения» других, весьма мастеровитых авторов, приходится признать недостаточность для раскрытия этого феномена литературоведческих и лингвистических средств и необходимость привлечения аппарата когнитивной психологии.

Примечания

- 1 Колтоновская Е. Литература и война. (Параллели) // Вестн. Европы. 1914. № 11. С. 351.
- 2 Колтоновская Е. Вокруг войны. Писатели о войне // Русская мысль. 1915. Кн. IV. С. 135.
- 3 Колтоновская Е. Война и писатели. О писательской психологии // Русская мысль. 1914. Кн. XII. С. 136.
- 4 Там же.
- 5 Ожигов Ал. Литература, молчание и барабаны // Современный мир. 1915. № 12. С. 132.
- 6 Там же. С. 140.
- 7 Там же. С. 132.
- 8 Иванов Г. О новых стихах // Аполлон. 1915. № 3. С. 51.
- 9 См.: Зобнин Ю. Стихи Гумилева, посвященные мировой войне 1914–1918 годов (военный цикл) // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 123–143.
- 10 Сборник рассматривается в варианте, предложенном А. Арьевым в серии «Новая библиотека поэта».
- 11 См.: Иванов Г. Стихотворения. СПб., 2005. (Новая библиотека поэта). С. 398–429.
- 12 См.: Левин Ю. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 464–480.
- 13 Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. (Б-ка поэта. Большая сер.). С. 262.
- 14 Там же. С. 234.
- 15 Там же. С. 235.
- 16 См.: Романенко А. Советская словесная культура : образ риторика. М., 2003. С. 12.
- 17 Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. С. 403.
- 18 Иванов Г. Стихотворения. С. 149.
- 19 См.: Костомаров В. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
- 20 Иванов Г. Стихотворения. С. 133.
- 21 Там же. С. 136.
- 22 Там же. С. 137.
- 23 Там же.
- 24 Там же. С. 144.
- 25 См.: Гаспаров Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- 26 Там же. С. 174.
- 27 Иванов Г. Стихотворения. С. 134.
- 28 Там же. С. 145.
- 29 Там же. С. 142.
- 30 Там же. С. 133.
- 31 Там же. С. 137.
- 32 Там же.
- 33 Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. С. 213.
- 34 Там же. С. 234.
- 35 Там же. С. 263.
- 36 Там же. С. 402.
- 37 Гумилев Н. Проза. М., 1990. С. 82.
- 38 Там же. С. 57.
- 39 Там же. С. 73.
- 40 Иванов Г. Стихотворения. С. 137.
- 41 Там же.
- 42 Там же. С. 141.
- 43 Там же. С. 133.
- 44 Там же. С. 135.
- 45 Там же. С. 144.
- 46 Там же. С. 138.
- 47 Там же. С. 136.
- 48 Там же. С. 137.
- 49 Цит. по: Арьев А. Примечания // Иванов Г. Стихотворения. С. 514.
- 50 Гумилев Н. Проза. С. 97.
- 51 См.: Тарасова И. Жанр глазами ироника (жанры в поэтической картине мира раннего Г. Иванова) // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 7. Саратов, 2011. С. 302–312.

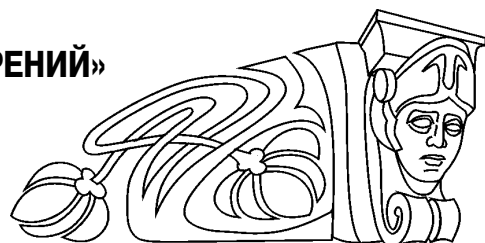
УДК 821.161.1.09-1+929 Мандельштам

ПРОЕКТ МАНДЕЛЬШТАМА «СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ» (1930–1931): ЦИКЛ ИЛИ ПОДБОРКА?

Б. А. Минц

Саратовский государственный университет
E-mail: bella-mints7@yandex.ru

В статье рассматривается неосуществленный авторский проект Мандельштама «Семь стихотворений» (1930–1931). Выдвинута гипотеза циклической природы данной группы стихотворений, их

образно-тематической целостности, соотнесенности с другими циклами Мандельштама.

Ключевые слова: Мандельштам, цикл, подборка, мотив, идиллическое, трагическое.